

* * *

Вино прокисло, женщина ушла,
Среди берез гуляет Смерть в исподнем,
И фонари торчат из-за угла
Как желтые порталы преисподней...

Читаю Книгу. Острые слова
Сейчас проникнут в тело, но, возможно,
Воскреснет отсеченная глава...
И Саломея спляшет осторожно.

Так где же затянувшийся рассвет?
Молчит рыбак, не вытянув улова.
И только от осины – горький свет,
И только страх евангельского слова.

* * *

Спать целый день, проснуться и идти,
купить себе два коржика молочных,
раздумывать о женщинах восточных,
о чае, рисе, Шелковом пути;
варить варягов в сумрачном мозгу
и снег топтать ботинками угрюмо,
и руки по карманам, как по трюмам,
держаться, жалея пальцев мелюзгу;
и прочитать «Славяне» – на стекле
той жёлтой «жучки» битой и убогой;
и тыщу лет за пазухой у бога
сидеть в кимвале медном, как в котле;

кормить печаль и жирный чернозём,
и в волчий глаз смотреть, как в человеческий,
но встать однажды с русами на вече, —
метнуть копьё в заплывший окоём,
сломать крестец, вернув злачённый шлем,
и протрубить в коровий рог над Русью,
что справились и с Големом, и с гнусью, —
без ветхих аллегорий и эмблем.

* * *

Иван-дурак в моем дворе
Жил в середине девяностых,
И нам, окрестной детворе,
Пел ту кабацкую, для взрослых.
И мы в Кейптаунском порту,
Желая женщин, шли на берег
В таверну «Кэт» и поутру
Лишались жизнью, а не денег...
А он курил, молчал в рукав,
Твердь подбородка подпирая,
И огонёк в его руках
Дрожал, у пальцев замирая.
Как бывший зэк иль остолоп,
Меж двух столбов гулял в печали,
И восковой массивный лоб
Его клонил к земле. Звучали
Аккорды «Бай мир бисту шейн».
Висел туман кудрявой взвесью.
А дома розовый портвейн
Стекал в нутро палёной смесью...
Мы подросли, кончался век,
На нож Иван нарвался в драке...
Едва плыла меж пьяных вех
Страна с пробоиной. Во мраке.

* * *

Кондуктор сидит на канистре с водой,
автобус скрипит вдоль оврага...
Три года назад был ещё молодой,
теперь испаряется влага:
становишься сух, как последний репей,
и чёрств, как забытая булка,
и видишь, хоть зрелища нету глупей,
свет в тёмном носке закоулка.
Наверно, там душит какой-то бандит
струною от лиры вакханку.
А мне наплевать, кто в конце победит,
чей логос заполнит лоханку.
Я выйду с автобуса в свой променад,
замру на краю у оврага...
И чайячи крики иль вопли менад
вольются в меня, словно брага.

* * *

В железной кружке
хранится мелочь.
Тряхнёшь за дужку,
услышишь Мелос.

Пойдёшь, как нищий,
за круглым звуком.
Вздремнёшь в копнице
за Бузулуком.

Расслышишь ржанье
ножа и плуга.
И в жёлтой шаньге –
движенье Круга.

Земля прошепчет
в босые пятки,
что Время шибче
белёсой прядки.

Достанешь череп
луны над лесом.
И снова в чреве
слепом и тесном.

* * *

Воздух пахнет арбузом,
Мир такой ледяной.
И таинственным грузом –
Облака надо мной.
Слабый ветер младенцем
Плачет в люльке ветвей...
Гроб на двух полотенцах
Спустят в царство теней.
И в подземные будни
Я вползу не спеша...
Там в белёсые клубни
Вжилась чья-то душа.
Я же – в корень, пожалуй,
Золотистой сосны,
Чтоб в зелёные жала
Потекли мои сны...